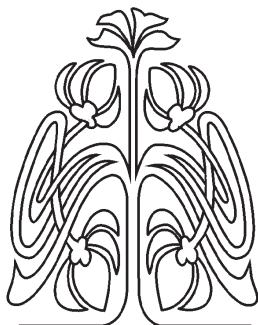

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 302–308
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 302–308
<https://bonjour.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-302-308>
EDN: OGJNHX

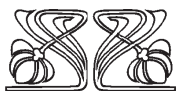
Научная статья
УДК 316.7-028.41|20|

Семантический диапазон понятия «читатель» в современной русской культуре

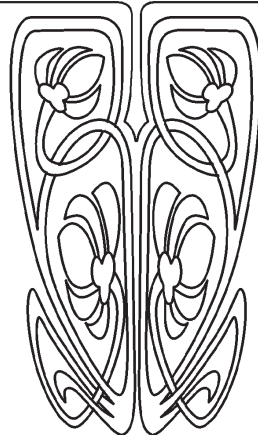
В. В. Прозоров

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, prozorov@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Аннотация. Общепризнаны негативные превращения, связанные с культурой чтения в XXI в. В первую очередь, и небезосновательно, в поле зрения филологов и педагогов попадает читатель художественных произведений. Наша цель осознать современный смысловой диапазон понятия «читатель» на фоне устоявшегося читательского образа в коллективной (поговорочно-поговорочной) народной памяти. Нас интересует проблема институционализации российского читателя. Пристального внимания заслуживает вопрос о том, в какой степени предложенная В. Г. Белинским в цикле статей «Сочинения Александра Пушкина» динамичная типология русского читателя первой трети XIX в. обнаруживает универсальность своих оснований и способна помочь в понимании процессов, происходящих с читателем и чтением художественной литературы в настоящее время. В истории читательского восприятия искусства слова наблюдается подвижное равновесие и противостоят упрямо инерционного и напористо инициативного начал. В общественно-художественной жизни неизменно участвуют заслуживающие авторитета приверженцы устоявшихся, привычных эстетических ценностей и адепты новых форм и нового содержания в словесном искусстве. Им чаще всего послушно внимает подавляющее большинство традиционалистов и приверженцев моды. Ныне читатели разных возрастов и разной эстетической подготовленности деятельно осваивают сетевое пространство с его огромными гипертекстовыми и интерактивными готовностями. Семантический диапазон понятия «читатель» пополняется новыми смыслами: читатель художественной литературы – постоянный пользователь интернета; активный читатель, жаждущий критико-аналитической самореализации; читатель, пробуемый доверять свои непосредственные впечатления от прочитанного публичному пространству; читатель, взявшийся за написание собственных стихотворных и прозаических текстов и усердно ждущий откликов на них. Рунет на свой лад возвращает к жизни привычные для прошедших эпох собирательные понятия «читательская публика» и «массовый читатель».

Ключевые слова: читатель, чтение, книга, художественная литература, типы читателей, читатель в интернете

Для цитирования: Прозоров В. В. Семантический диапазон понятия «читатель» в современной русской культуре // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 302–308. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-302-308>, EDN: OGJNHX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Semantic range of the concept “reader” in contemporary Russian culture

V. V. Prozorov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Valery V. Prozorov, prozorov@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>

Abstract. Negative transformations associated with the culture of reading in the 21st century are generally recognized. First of all, and not without reason, the reader of fiction comes into the field of vision of philologists and teachers. The goal of the article is to analyze the modern range of meanings of the concept “reader” against the backdrop of the established reader’s image in the collective (proverbial) folk memory. The author is interested in the problem of institutionalization of the Russian reader. The question to what extent the dynamic typology of the Russian reader of the first third of the 19th century, proposed by V. G. Belinsky in his series of articles “The Works of Alexander Pushkin”, reveals the universality of its foundations and can help in understanding the processes occurring with the reader and the reading of fiction at present, deserves close attention. In the history of the reader’s perception of the art of the word, there is a moving balance and conflict of stubbornly inertial and assertively proactive principles. Respected followers of established, habitual aesthetic values and supporters of new forms and new content in verbal art have become unfailing participants of social and artistic life. They are most often obediently heeded by the overwhelming majority of traditionalists and fashion followers. Nowadays, readers of different ages and different aesthetic backgrounds are actively exploring the network space with its huge hypertext and interactive capabilities. The semantic range of the concept “reader” is enriched with new meanings: a reader of fiction – a regular user of the Internet; an active reader longing for critical and analytical self-realization; a reader trying to entrust his or her immediate impressions of what he or she has read to the public space; a reader who has taken up writing his or her own poetic and prose texts and is patiently awaiting responses to them. Runet, in its own way, brings back to life the collective notions of the “reading public” and “mass reader”, familiar for the past epochs.

Keywords: reader, reading, book, fiction, types of readers, reader on the Internet.

For citation: Prozorov V. V. Semantic range of the concept “reader” in contemporary Russian culture. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 302–308 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-302-308>, EDN: OGJNHX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Под семантическим диапазоном понимаются широта и гибкость значений интересующего нас в масштабах русской культуры понятия «читатель». Понятие это в наше время приобретает устойчиво ностальгическое звучание. Оно знаменует явление, которое недавно еще казалось успешно в России функционирующим, но которое на наших глазах резко меняется, вызывая массу горьких констатаций.

Размышляя о читателе, мы и в повседневном обиходе, и в специальном общении имеем в виду прежде всего читателя художественных, художественно-документальных, художественно-публицистических произведений, в создании которых особая роль отводится вольному авторскому воображению. Об этом читателе и пойдет речь. Вот немногие из широко тиражируемых суждений: «писателей сегодня больше, чем читателей», «современные дети не читают», «читатель исчезает как класс», «читатель исчез как вид», «читатель пропал»... Этим не только социальные сети пестрят. Они-то как раз вносят чувствительные коррективы в общую негативную картину. Бьют тревогу взрослые учителя и родители, писатели и критики, филологи и журналисты (см.: [1, 2]).

Чтобы взвешенно оценить происходящие с читателем превращения, стоит вспомнить, что представляет собой феномен чтения в нашей культурной памяти и от каких очертаний читательского образа мы отталкиваемся, сравнивая «век нынешний и век минувший».

1. Читатель в русской народной традиции

Интересующее нас понятие имеет в виду носителя инициативно-действенного начала, обозначаемого глаголом *читать*. Слово это восходит к общеславянским формам, в которых мерцают захватывающие воображение смыслы, вроде таких, как «считать», «почтить», «ценить», «думать» [3, с. 367, 374–375]. Ныне этот глагол в самом распространенном его значении определяет умение воспринимать написанное / напечатанное – про себя или вслух. Искусство чтения предполагает развитие в человеке следующих ценностно-психологических свойств:

- фокусированное внимание на индивидуальных особенностях облюбованной художественно-жанровой данности;
- богатый набор эмпатических характеристик, сопровождающих эмоционально-интеллектуальное переживание и осознание литературных сюжетов в их бесконечной множественности;

– склонность к многообещающему восприятию заключенных в совершенных текстах эвристических ожиданий и откровений.

Собирательное понятие «читатель художественных текстов» – явление относительно молодое в истории нашей культуры. Заметное распространение получит оно в веке XVIII. Читательская публика рождением своим обязана XIX столетию. В веке XX увлеченно и пафосно заговорят о читателе массовом. Чтение в России соотносится с разными оценочными словами: «вдумчивое», «увлекательное», «занимательное», «полезное», «трудное», «легкое», «скудное», «утомительное»... Каждое из определений бросает свет на важные особенности читательских практик, многократно описанных в художественной и научной литературе.

Древнерусская книжность развивалась как культура душеспасительная и назидательная. Необычайно высок был авторитет мудрого книжника, почиталось учение книжное, являвшее в себе свет духовный [4, с. 55–78]. Здесь истоки едва ли не сакрального, подверженного кризисным испытаниям, но неизменно отличительного измерения русской жизни, которое получит наименование «литературоцентризм» [5].

Важный пласт представлений о пользе чтения и читательских умениях содержит богатый фонд русских пословиц и поговорок [6]. Зоркая народная наблюдательность определяет неоспоримые достоинства чтения: «С книгой жить – век не тужить»; «Побольше грамотных, поменьше дураков». Случается и констатация сложностей на пути одоления читательских премудростей: «Азбука наука, а ребятам бука (мука)»; «Много прочел, да мало учел». Русская пословица намекает и на то, что к приятию грамоты предпосылки нужны: «Наука учит только умного. Не всякому все дается»; «Грамотею и книги в руки». Более того, «недоученный хуже неученого». Как забавный озорной вариант: «Ученая ведьма хуже прирожденной».

Особого внимания заслуживают преимущества слова письменного перед словом устным: «Перо смелее языка»; «Язык коснеет, а перо не робеет». Высок авторитет печатного книжного слова: «Лучше печатного не скажешь. Говорит, как книга»; «Супротив печатного не соврешь»; «Книга мала, да ума придала». Не единожды народная мудрость напоминает об ответственности пишущего: «Не пером пишут, умом»; «Напишешь пером, не стешешь (не вы-

рубишь) топором». Житейский опыт подсказывал: «Бумажки клочок в суд волочет». Писаное слово может быть и лукаво многозначным и не вполне ясным: «Врет по-печатному»; «Это вилами писано». Случаются и сомнения в абсолютной пользе от просвещения: «Ныне много грамотных, да мало сытых». С другой стороны: «Сытое брюхо к учению глухо».

Пословицы судят и о самой культуре чтения: «Ленивому Микишке всё не до книжки»; «Не на пользу читать, коли только верхки хватать»; «Глядит в книгу, а видит фигу». Подаются предостережения и советы: «Не складна письмом, красна вымыслом»; «Немного читай, да побольше думай». Не всякое чтение – дорога к просвещению: «От умного научишься, от глупого разучишься». Негоже – себе во вред – быть всеядным: «Рифмоплёт – не поэт. Кропает и табачком занюхивает». И примиряющее универсальное заключение: «Чтение – вот лучшее учение».

В. И. Даль был убежден в том, что пословица не придумывается, а «вынуждается» силою обстоятельств [6, т. 1, с. 14], рождается из пристальных наблюдений над живой жизнью. В коллективной памяти русского народа читательское книжное искусство описывается разносторонне: здесь и – из уст в уста – хвала полноценному восприятию, здесь и сомнения в пользе чтения бездумного и безучастного.

2. Типы читателей в России

В любое время читатель – понятие разнородное. Существует много попыток создания читательских классификаций и типологий [7]. На одну из них, в истории нашей словесности явно недооцененную, обратим внимание в связи с размышлениями о судьбе читателя и чтения в современной России. Речь идет о цикле статей В. Г. Белинского «Сочинения Александра Пушкина» (1843–1846 гг.) [8, с. 99–378]. В контексте размышлений критика о творческой эволюции великого поэта обнаруживаются целостные в своей динамичной совокупности, выразительные размышления о двух парах читательских разновидностей и об устойчивой внутренней связи между этими парами. В общественно-литературной жизни Белинский предлагает различать «детей известной доктрины» и «людей движения». Прежде чем сказать о второй паре, охарактеризуем метафорически обозначенную критиком читательскую дихотомию.

Дети известной доктрины – традиционалисты, читатели, привыкшие к авторам, давно уже занявшим достойное место в литературной панораме. Это сознательные сторонники известного направления, готовые обосновывать свои предпочтения и пристрастия. Авторитет «старых» писателей для них непререкаем. Они их искренне в свое время полюбили и разделять эту любовь с «новыми» не намерены. Они ценят «знаменитых» по внутреннему убеждению, «по привязанности к школе, к принципам, в которых воспитывались» [8, с. 363–367]. «Дети» эти, разумеется, давно не дети. Хотя заметных возрастных границ здесь нет. Люди подобной читательской компетенции есть во всякую эпоху. Сегодня их много среди тех, для кого компьютерная грамотность стала делом наживным в зрелом возрасте, кто привык судить о читательской культуре по собственному опыту докомпьютерной эры. Наши сегодняшние традиционалисты всей душой поддерживают плач о падении престижа бумажно-книжной культуры.

Противоположность детям известной доктрины – люди движения, пылкие приверженцы новых форм и новых имен в искусстве. Белинский им откровенно сочувствует. Без них бы «нива жизни» заплесневела. Этот тип людей в пылом увлечении новизной склонен порой отрицать заслугу со стороны «прежних» авторитетов, относясь к ним с долей снисходительности [8, с. 360–361]. Сегодня люди движения – свободные хозяева интернет-пространства с его беспредельными готовностями, связанными в том числе и с литературной культурой. Они увлеченно осваивают сетевые электронно-книжные ресурсы.

Что же, по Белинскому, вторая пара читателей? Эта пара представляет преобладающую массу читателей разных возрастов, пола, образовательного ценза и т.д. Критик именует их «литературными староверами» и «литературными верхоглядами». При всей противоположности староверы и верхогляды вполне корректно могут быть охарактеризованы сообща. И те, и другие следуют в своих приговорах не собственному уму и чувству, а чужим, авторитетным для них мнениям и вкусам. Да, староверы усердно внимают «детям известной доктрины», а верхогляды – «людям движения». С одной стороны, это люди стойкой привычки подчиняться от веку заведенным эстетическим порядкам. Для них

«все старое хорошо, потому что оно – старое, а все новое дурно, потому что оно – новое» [8, с. 358]. С другой стороны – это торопливые поклонники моды, способные рукоплескать лишь «торжеству настоящей минуты». Для верхоглядов старо все, что «появилось хоть за день до какой-нибудь пошлости, занявшей их сегодня» [8, с. 360].

Дети известной доктрины и люди движения – нечто вроде эмоционально-интеллектуальной элиты. Круг их узок. Староверы и верхогляды – подавляющее большинство в социально-культурном пространстве страны, охотно подчиняющее себя влиянию авторитетов. Опыт многочисленных потребителей культуры находится в непосредственной зависимости от суждений и оценок пассионарных доктринеров и не менее энергичных прагматиков. Есть поводыри, и есть их приверженцы.

Вся история культуры держится на подвижном противостоянии упрямо инерционного и дерзко инициативного начал. В драматическом преломлении припоминается оппозиция Константина Треплева Борису Тригорину в чеховской «Чайке». Или примиряюще жесткое взаимодействие в истории русской живописи академической школы – передвижников – мирискусников – авангардистов... Те же цепи бинарных отношений наблюдаются в истории постижения каждого из искусств, включая и искусство слова. Из этого же ряда – постоянство яростных споров последовательных нормативистов со сторонниками нейтрально-беспечного отношения по поводу мощных волн заимствований в русской речевой жизни. Важно признать: модель существования и соотношения универсально охарактеризованных Белинским малых и больших социально-культурных «коллективов» есть явление нормальное и органичное с точки зрения внутренней логики всех цивилизационных превращений. Меняются поколения, но сохраняется в социально-культурной протяженности примерная (и в большой перспективе гармоничная) соразмерность нравственно-эстетических ориентиров и интересов.

Перед нами встает естественный вопрос: упорно провозглашаемый «современный кризис культуры чтения» [9, с. 62] – повальное духовно-морское бедствие или брезжат в нем по законам любого социально-кризисного явления приметы позитивного обновления реальности?

3. Современные читательские превращения

Честность в понимании эволюции, которая происходит с чтением и ее субъектом – читателем художественных произведений, побуждает рассматривать нынешнюю ситуацию как неизбежную, уже случившуюся вопреки всем сетованиям и укоризнам. Да, многие бывшие читательские практики для вступающих в жизнь новых поколений утрачивают свою востребованность. Положа руку на сердце, грустно прощание с привычными представлениями о книге, в частности о «книге как лучшем подарке», но кто сказал, что с этими ценностями мы обречены проститься. Лучше сойти, насколько это получится, с привычной и по-своему уютной колеи детей известной доктрины и вместо распространенных плачей по былой книжности прислушаться к логике людей движения с их творческими пробами и самостоятельными починами. Книга как факт (в том числе и в бумажной версии) никуда не делась. Литература и в наши дни не перестает быть синонимом культуры. Просто (хотя и вовсе не просто) читатель превращается. Он с детских лет переселяется в интернет [10].

Это констатация очевидного. Интернет выводит читателя из знакомого нам линейного восприятия текста – в объемный гипертекстовый мир с его невероятно расширенной памятью, с множасьими на наших глазах оперативными параметрами [11]. И те самые тексты классиков, что не доступны были массовому читателю в многотомных академических изданиях с их огромным вспомогательным аппаратом, сегодня обретают общедоступное бытие. Была бы охота разбираться в филологических тонкостях – в текстовых лабиринтах. А охота, свидетельствуют многоголосые социальные сети, случается нередко.

Дело «за малым»: и детям известной доктрины, и людям движения все свои приоритетные помыслы и инициативные силы стоит положить на то, чтоб приближать литературу (старую и новую) к ее потенциальному читателю. Школа чаще всего с этим не справляется. Виной тому «школьная практика авторитарного отношения к литературе и читателю» [12, с. 118], скучная манера предъявления готовых ответов на вопросы-подсказки, унылые «раздумья» на тему, «какую мысль вложил автор в свое произведение» и т.п. Не справляется еще и потому, что в целом отстает от интернет-динамики. Вероятно,

в идеале ребятам надо не сдавать в начале урока свои смартфоны, а работать с методически целесообразно и интересно размещаемыми в них стихотворными и прозаическими текстами, выразительными комментариями к ним, игровыми, побуждающими к размышлениям интерактивными заданиями. Появление таких живых электронных «литературных учебников» – насущная забота талантливых педагогов новой формации в помощь учителям-практикам и учащимся.

Сегодня в России успешно развивается умелое репетиторство по литературе, ориентированное в том числе и на сетевые ресурсы. В виртуальном мире читатель имеет шанс знакомиться с немногими искусными (бездарных, увы, тьма!) «краткими» интерпретациями художественных текстов. Негативная реакция на них со стороны детей известной доктрины объяснима. Дело, конечно, вынужденное. Но практика предъявления скупых версий классических и современных текстов, случается, достигает в рунете виртуозных высот умного изящества. Мне доводилось писать об этом на примере кратких изложений для средней школы романа Чернышевского «Что делать?» [13]. Образцы удачных «пересказов текста», «литературных либретто» уже не единичны.

Что касается конкуренции словесности с видео- и аудиокulturой, то невольная состязательность эта в разных проявлениях существовала всегда: благодарный массовый читатель, тем не менее, очень часто оказывается и признательным зрителем / слушателем. Взаимообогащение здесь очевидно. Так было и в XIX, и в XX вв. Нечто похожее, с поправками на современные культурные практики, обнаруживаем мы и в настоящем.

Огромно разнообразие активных форм продвижения культуры чтения в социальных сетях. Живет и работает несметное число интернет-клубов, литературных журналов, форумов и блогов, социальных групп и сообществ книжников [14]. Ведут их и филологи-энтузиасты, и верные призванию библиотечные работники, и инициативные книголюбы, и читатели-неофиты. Есть здесь свои влиятельные авторитеты – консерваторы и прогрессисты, успешные модераторы, активные комментаторы. Есть и бесчисленные «рядовые» пользователи всех возрастов – старoverы и верхогляды [15].

Сдается, что интернет-читатели в меньшей мере внимают прежним наставническим инсти-

туциям (литературной критике, журнальным рекомендациям, методическим разработкам для учащихся и т.п.). По законам вольной онлайн-реальности они больше доверяют собственной интуиции и постепенно возрастающему опыту. Хотя сеть с коммуникативной напористостью психологически целенаправленно подвигает их прислушиваться и к лидерам мнений – ньюсмейкерам, рекламодателям, блогерам. Часто читатель жаждет и собственной сетевой критико-аналитической самореализации [16]. Еще чаще читатели (и поклонники старины, и поборники нового) простодушно доверяют свои непосредственные впечатления от поэзии публичному виртуальному пространству [17].

А. И. Белецкий в статье 1922 г. «Об одной из очередных задач историко-литературной науки (Изучение истории читателя)», словно бы предвидя и нашу интернет-эпоху, предсказывал в различимом будущем взрывное массовое явление «читателей, взявшихся за перо» [18, с. 37]. Сегодня бесчисленная масса авторов пробует самостоятельно сочинять тексты и выставлять их на обозрение сетевой публике [19, 20]. Е. Г. Водолазкин признается: «Исчезновение читателя <...> приостановилось. Об этом свидетельствует статистика. Падение продаж прекратилось в 2014 г. Последние три-четыре года наблюдается рост – как в области наименований издаваемых книг, так и в отношении тиражей. Это настраивает меня на оптимистический лад» [21]. Историко-культурный взгляд на современную ситуацию с читателем позволяет разделить этот осторожный оптимизм.

Итоги

Смерть читателя отменяется. Жизнь его продолжается преимущественно в новых технологических условиях. Немногочисленному составу страстных, заядлых читателей – традиционалистов и прогрессистов, сопутствует исподволь внимающая им масса потребителей словесности – староверов и верхоглядов. Границы между ними были и остаются размытыми. Семантический диапазон понятия «читатель» пополняется новыми смыслами: читатель художественной литературы – постоянный пользователь интернета; активный читатель, жаждущий критико-аналитической самореализации; читатель, доверяющий свои непосредственные впечатления от поэзии публичному сетевому пространству; читатель, взявшийся

за перо и ждущий сочувственной виртуальной реакции на собственные литературные пробы. В XXI в. Рунет переформатирует на свой лад привычные для прошедших эпох собирательные понятия «читательская публика» и «массовый читатель».

Список литературы

1. Аскарлова В. Я. Так есть ли у нас шанс создать читающую нацию? // Библиотечное ДЪЛЮ. 2010. № 24 (138). С. 4–11.
2. Басинский Павел: Культурный класс читателей исчезает и деградирует. URL: <https://rg.ru/2014/02/17/chitatel.html> (дата обращения: 29.01.2024).
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Творогова. Изд. 2-е. Т. 4. М. : Прогресс. 1987. 864 с.
4. Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб. : Азбука, 2000. 466 с.
5. Турьшева О. Н. Русский литературоцентризм в аспекте литературной рефлексии // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. 2013. № 1. С. 228–243.
6. Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа: Сборник В. Даля : в 2 т. СПб. : Литера, ВИАН, 1997. Т. 1 . 416 с. ; Т. 2. 416 с.
7. Проблема дифференциации читателей и психологии чтения : сб. науч. тр. Л. : Ленинградский гос. ин-т культуры, 1980. 172 с.
8. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. Т. 7. М. : Изд-во АН СССР, 1955. 740 с.
9. Белина Е. В. О развитии понятия «культура чтения» в русской культуре и науке // Человек и образование. 2014. № 3 (40). С. 61–65.
10. Самохина М. М. Молодые читатели в Интернете (наблюдения социолога) // Новое литературное обозрение. 2010. № 102. С. 300–307.
11. Беляева Н. Е. Чтение художественной литературы в интернете: изучение современных читательских практик // Вестник культуры и искусств. 2017. № 2 (23). С. 47–52.
12. Лавлинский С. П. Литературное образование как целостность: о филолого-педагогическом завещании Натана Давидовича Тамарченко // Новый филологический вестник. 2012. № 2 (21). С. 118–129.
13. Прозоров В. В. Чернышевский в сетях интернета: неожиданные наблюдения // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы : сб. науч. тр. / отв. ред. А. А. Гапоненков. Вып. 21. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2018. С. 13–17.
14. Чушкина С. Е. Тематические сообщества в социальных медиа как инструмент повышения читательской культуры // Филология и искусствоведение. Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19, № 2. С. 596–599.

15. Матвеев М. Ю. Читательская критика в Интернете: проблемы и противоречия // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2023. № 2 (55). С. 161–170. <https://doi.org/10.30725/2619-0303-2023-2-161-170>
16. Тишков А. А. Писатель – читатель – критик в Интернете // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2012. Т. 12, вып. 3. С. 99–106. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2012-12-3-99-106>
17. Розанов К. А. Студенческая литература в современном Рунете: классификация ресурсов сети // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2010. Т. 10, вып. 1. С. 84–92. EDN: LMCKCH
18. Белецкий А. И. Избранные труды по теории литературы. М. : Просвещение, 1964. 478 с.
19. Ракитина Е. Б. К проблеме авторской самоидентификации в интернет-поэзии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 1 : в 2 ч. Ч. 1. С. 149–153.
20. Чудинова В.П. Чтение и сообщества юных читателей в Интернете. URL: <https://www.rba.ru/content/activities/section/30/publ/2009/11.pdf> (дата обращения: 08.02.2024).
21. Скрылева Ю. Идеальный читатель – это соавтор писателя: [интервью с писателем Е. Г. Водолазкин] // Литературная газета. 2019. 20–26 февр., № 7 (6679). С. 9.

Поступила в редакцию 04.03.2024; одобрена после рецензирования 26.03.2024; принята к публикации 08.05.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 04.03.2024; approved after reviewing 26.03.2024; accepted for publication 08.05.2024; published 30.08.2024